

Алексей Митрофанов
Архангельск

Городские прогулки

Алексей Митрофанов
Архангельск.
Городские прогулки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34331554

ISBN 9785449094445

Аннотация

Это интереснейший город с ярчайшими традициями – архитектурными, языковыми, музейными, этнографическими, кулинарными. Город полон загадок и прелюбопытных историй. Почему, например, его жители зовутся не архангельцами, не архангельчанами, а архангелогородцами? Мы же не говорим: «тулагородцы», «тверьгородцы», «таганроггородцы».

Содержание

Набережная Северной Двины	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Архангельск

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-9444-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Архангельск популярен у туристов как бы исподволь. Туристы больше ездят в Каргополь, Онегу, на Кий-остров и, конечно же, на Соловки. Но для этого они сначала попадают все-таки в Архангельск. Гуляют по городу, любуются особенным северным небом, покупают книги о диковинках архангельской земли, ужинают в ресторане, ночуют в гостинице, а на следующий день отправляются дальше.

Но Архангельск – это все-таки не перевалочная база и не привокзальный зал для ожидания. Это интереснейший город с ярчайшими традициями – архитектурными, языковыми, музейными, этнографическими, кулинарными. Город полон загадок и прелюбопытных историй. Почему, например, его жители зовутся не архангельцами, не архангельчанами, а архангелогородцами. Мы же не говорим: «тулагород-

цы», «тверьгородцы», «таганроггородцы». А дело в том, что город по первоначально назывался отнюдь не Архангельском, а Архангельским городом. Впоследствии его переименовали, а жителей не стали переименовывать.

Или вот еще загадка. Почему на одной из главных улиц стоит старый английский танк? Оказывается, тот танк – трофейный, и его подарил городу Клим Ворошилов.

Для чего в центре Архангельска создают полностью деревянную улицу? А дело в том, что именно этот материал был до недавних пор тут самым популярным. Один мемуарист, некто Николай Щапов, даже писал об Архангельске: «Деревянная полоса между рекой и болотом».

При всей жесткости этого определения он был, в общем, прав. Северный край суров и неприютен. Но есть в нем маленькая деревянная уютная полоска, где можно с удовольствием провести время.

История этого поселения начинается в 1583. Именно тогда на месте современного Архангельска была основана крепость Новый город (впоследствии она называлась Новый Холмогорский город и Новые Холмогоры). Заселялся этот город большей частью крепостными (по своей собственной воле мало кто хотел бы оказаться в столь суровом месте). Жителям Нового города предоставлялись различные льготы (главная – освобождение от государственных податей на целых пять лет). Но и ограничения у них существовали. В частности такие: «Корчемного питья, блудных женщин и лихих

людей у себя не держати, и никаким воровством не заниматься, а с немцы с приезжими не дружити и товаров у них за морских при встречах и в городе том не покупати».

Единственное преимущество этого места – именно, торговля с иностранцами – делалась заповедным плодом.

В 1613 году Новые Холмогоры переименовали в Архангельский город. Ко тому времени он уже привлекал внимание исследователей. В частности, историк С. Ф. Огородников писал о нем в то время: «Город Архангельский, деревянный, на реке на Двине, рублен в две стены, мазан глиною, а у города трое ворот; на воротах башня, а в воротах две пищали железные... две пушечки скорострельные, железные, дробовые; ворота Воскресенские, а на воротах башня, а в воротах пищаль железная, немецкая, пушечка скорострельная, железная; ворота Покровские, водяные, к реке Двине, а на воротах пищаль полуторная, медная, полковая. На городе ж башня, Спасская, наугольная, на ней в среднем бою пищаль железная, немецкая; башня Вознесенская, наугольная, на ней в среднем бою пищаль медная, полуторная».

А вскоре иностранцы – те, с которыми обычным обывателям поначалу запрещалось вовсе торговать – практически монополизировали здешнее коммерческое пространство. Русские купцы даже послали в 1646 году жалобу царю Алексею Михайловичу: «И товары они стали привозить хуже прежних, сговорясь заодно, а как придут торговать на ярмонку к Архангельскому городу, то наших товаров покупать

не велят, а заморским товарам цену держат большую, чтобы нам-де у них ничего не купить и вперед на ярмонку не ездить... Да они же, немцы, похвалятся, что мы-де сделаем то, что московские купцы настоят в деньгах на правеж, да и вперед заставим их торговать лаптями, тогда забудут они у нас перекупать товары».

Пришлось вводить ограничения для иностранцев. Только с осторожностью и с оговоркой обывателям «привет держать к англичаны, дабы их не отогнать».

Город, однако, развивался темпами невиданными – в первую очередь благодаря своему порту, а значит, обилию все тех же иностранных торговцев. В 1666 году здесь даже выстроили лютеранскую кирху – специально для нужд иностранных купцов. А спустя год Архангельск практически полностью уничтожается грандиозным пожаром. Но быстро отстраивается заново – иностранные негоцианты полюбили это место, да и коренные жители не слишком-то хотели искать счастья на другой земле.

Иностранцы, разумеется, не уставали удивляться самобытным русским контрагентам. Один из них, Кунрад фан-Кленк, нидерландский посол, в 1675 году встал здесь на рейде, а затем писал: «Мы видели различные суда русских, которые они называют карбасами. Мы высадили шлюпку, и наш лейтенант с переводчиком фан-Аспероном отправились к ним, чтобы получить немного свежей рыбы, что и удалось сделать. Когда они пришли к ним, то русские вытащи-

ли свою сеть и предложили различные экземпляры трески и камбалу удивительной величины. Русские на своей лодке вместе с нашей шлюпкою отправились к нашему судну, пришли на борт и даже, по желанию его превосходительства посла, введены были в каюту, где они говорили с его превосходительством, который их угостил свежеиспеченным пшеничным хлебом, сухарями, вином и водкою. Они получили от капитана немного денег, а мы от них приобрели 4 больших прекрасных трески и несколько камбал чрезвычайной величины; одна из них почти в 5 футов, а другая в 8 футов длины и 4 фута ширины.

Эти люди, когда им поднесли чарку водки, делали странные гримасы, наклоня голову и тело и много раз кладя на себя крест. Нам это было очень чудно смотреть. Они сильно жаловались, что в эту ночь их ограбило судно с пятью парусами... и они потеряли большую часть своей сети.

После угощения, придя в свое суденышко, русские много шумели и кувыркались, точно шары, через зад и голову».

Для россиянина – явление вполне обычное, и непонятно, что так удивило господина Кленка.

В 1684 году закончено строительство комплекса Гостиных дворов. А в 1688 году здешний городничий получил подробный перечень своих обязанностей: «Которые корабли учнут приходить с моря к двинскому Березовскому устью, и на устье, и на их кораблях у иноземцев и корабельщиков и у кормщиков тебе полковнику приказать корабельным

вожам, чтобы они расспрашивали иноземцев накрепко про войну и моровое поветрие и про воровские корабли, и буде в их землях и в окрестных с ними государствах морового поветрия и войны нет, и им, вожам, те корабли в устье Двины реки к Архангельскому городу проводить по-прежнему без задержания. Самому б тебе полковнику с таможенными целовальниками вместе за Мосеев остров выезжать и на тех кораблях иноземцев самолично расспрашивать накрепко. И буде они скажут все благополучно, их под Архангельский город пропускать, а не расспрося их иноземцев с кораблей на берег не пушать.

Также и от Архангельского города те корабли по отпуску таможенному, на море им же, вожам велеть выходить по-прежнему. Да тебе ж полковнику у Архангельского города по Двине реке в судах ездить около кораблей и смотреть и беречь накрепко, чтобы корабельщики и кормщики, и их работные люди с кораблей в воду камня не метали и песку не сыпали, и тем корабельному ходу к пристани препятствий не делали.

Да тебе ж полковнику днем и ночью смотреть накрепко, чтоб русские люди на корабли к иноземцам с хлебными запасами и ни с какими другими товарами в судах не приезжали и утайкой не продавали, а у иноземцев чтобы русские люди табаку и питей и всяких заморских иных товаров на кораблях не покупали. Также и иноземцы чтоб в шняках от кораблей по сторонним рекам и протокам и по заостровьям не ез-

дили и на пустых местах у русских людей хлебных запасов и никаких товаров утайкой не покупали. Для разъезду полковнику суда иметь у земских старост. А гребцами на полковничьих судах быть стрельцам... Следить, чтобы посадские и всяких чинов люди в слободах избы и мыльни, а в городе в караульных избах печи стрельцы топили с великим бережением, и те печи были бы крепкие, с напыльниками и заслонами железными, а трещин и продушин бы в печах не было. На всех дворах и на поварнях, и в анбарах и в лавках поставить кадки с водою и помела, чтобы пожар было чем гасить. Избы в летнее время в посадских и стрелецких слободах топить не давать, кроме особо указанных дней и ненастных дней. Бани все перепечатать и топить в летнее время не давать, кроме ненастных дней.

Пива без ведома начальства не варить, вин не курить и к вечеру с огнем поздно не сидеть. По улицам в ночи никакие б люди не ходили.

А буде твоим небрежением над казною в городе и в гостиных дворах учинится какое дурно, или случится пожар, или учнешь что делать не по Наказу, за то тебе, полковник, быть в великой опале, а целовальникам и стрельцам быть в жестоком наказании без всякой пощады».

В 1693 – основано архангельское Адмиралтейство. Годом позднее в городе построено первое судно – «Святой Павел». Дальше – больше. В 1702 году Архангельск становится столицей Поморья (ранее эту роль играли Холмогоры). Спу-

стя год здесь устраивают первое театральное представление («была в городе комедия у иноземца Ивана Антонова, на которой были воевода и прочие всякие люди, как мужи, так и жены, при которой брано по гривне с каждого человека»). В 1708 – образована Архангелогородская губерния. Правда, в 1780 Архангелогородская губерния снижает свой статус до Архангельской области и входит в состав Вологодской губернии. Но уже в 1784 создано Архангельское наместничество. Город вновь становится самостоятельным.

В 1794 году принят регулярный план застройки Архангельска. А в 1796 – учреждена Архангельская губерния. Архангельск получает статус губернского города, который, по сути, сохранил по сей день.

В 1862 году в Архангельске произошло довольно важное событие. Он стал абсолютно мирным городом – были упразднены военный порт и казенная верфь, до того постепенно приходившие в упадок. Н. А. Качалов, губернатор, так писал об этом: «К величайшему сожалению, все казенные мастерские Архангельского порта уничтожены, мастерские распущены, здания и запасы материалов распроданы, но, может быть, часть всего этого можно приобрести обратно, ежели приступить без потери времени. Ежели правительство найдет неудобным устроить мастерские и все пособия от порта для иностранных судов на свой счет, то не признает ли возможным оказать пособие и содействие частным предпринимателям?»

Продолжали, опять таки, досаждают иностранцы. Тот же Качалов сетовал: «Воды как около Мурмана, так и Зимнего берега и Новой Земли, принадлежащие России, не охраняются, и потому иностранные ловцы ловят рыбу и промышляют зверей беспрепятственно и в ущерб промышленникам... Все эти неудобства могут быть устранены единственно постоянными объездами берегов моря и океана, для чего необходимо серьезное паровое судно, которое бы находилось в распоряжении Архангельского губернатора».

Жалобы Качалова слышали, ему был предоставлен крейсер. Но у крейсера были еще и другие задачи, в частности природоразведательные. Промыслы иностранцев продолжались.

То был не лучший период в истории города. В 1884 году другой здешний губернатор, Н. М. Баранов писал: «Да, недавно то было время, благодаря которому и теперь внутри России при названии Архангельской губернии у большинства русских людей является понятие о крае с неисчерпаемыми богатствами, а между тем, на что ни оглянись, везде уже видна другая картина.

В Архангельске, как на кладбище, виднеются там и сям памятники о его старом значении, о его прежней широкой и полезной для государства деятельности: опустелые дома так недавно еще работавших торговых фирм, разваливающиеся заводы и набережные, фундаменты эллингов и верфей, почти заброшенные монументальные здания Морского

ведомства. И там, где прежде с таким успехом для русской торговли из русского леса русские мастера строили ходкие корабли, теперь мы видим иностранные суда, приходящие обогащаться в наших водах китовым и рыбным промыслами».

Увы, упадки неизбежны в истории любых цивилизаций, а тем паче городов. Но уже в 1887 году в городе открыт завод по ремонту морских паровых винтовых судов (ныне завод «Красная кузница»). В 1897 году начато железнодорожное сообщение с Москвой. В 1905 – основан Архангельский биржевой комитет. Город будто бы переживает ренессанс.

Один из современников, Илья Бражнин описывал его: «Архангельск был в начале века одним из крупнейших морских и речных портов России и единственным на севере ее. При этом некоторые черты местной жизни отличали его, как особый, своеобразный город, во многом несхожий с другими городами России.

Это был светлый, с долгими белыми ночами городок, с немощеными, пыльными, но прямыми улочками и деревянными мостками-тротуарами в три-четыре дощечки. Кроме губернаторского дома, примыкавших к нему, так называемых, присутственных мест, городской думы, гимназии и подворья какого-то монастыря, каменных домов в Архангельске почти не было. При этом подавляющее большинство каменных домов стояло на главной городской магистрали – на Троицком проспекте, ныне проспекте Павлина Виногра-

дова.

Кроме Троицкого проспекта, было в городе еще четыре других – Псковский или Средний (ныне проспект Ф. Чумбарова-Лучинского), Петроградский (ныне проспект М. Ломоносова), Новгородский и Костромской (ныне проспект Космонавтов). Все эти пять проспектов точно следовали изгибам береговой линии и пересекались вертикально небольшим количеством улиц, ни одна из которых, за исключением Северодвинской и Вологодской, не сохранила прежнего названия.

За последним проспектом – Костромским – уже ничего городского не было: никаких строений. Были, так называемые, Мхи, то есть низменная, болотистая, поросшая можжевельником и папоротником местность, и дальше лес. На Мхах и в лесу мы, городские мальчишки, летом и осенью собирали морошку, голубику, клюкву.

Вдоль реки перед проспектами тянулась, как и сейчас, длинная-предлинная набережная с бульварчиком, с ветхими перильцами и аллежкой из берез в районе Немецкой слободы».

Но революционные события, увы, не обошли Архангельск. Правда, вскоре после революции, в 1918 году город был захвачен английскими, американскими и французскими интервентами. А в 1920 – вновь захвачен большевиками. До сих пор непонятно, как именно сложилась бы судьба архангелогородцев, удержи там интервенты власть.

Но сложилось так, что город разделил участь России. 1929 году Архангельск становится центром Северного края. В 1936 – центром Северной области. В 1937 – центром Архангельской области. Дальше – все более-менее понятно.

Мы приглашаем совершить пешее путешествие по улицам Архангельска. Города, про который голландский путешественник Корнелий де Бруин сказал три сотни лет тому назад: «Улицы здесь покрыты ломаными бревнами... В городе множество полусгоревших домов... В продолжение зимы в... церквах служение не совершается по причине весьма жестокого холода в них».

Города, в котором вполне себе всерьез существовал культ дерева. Чего стоит лишь традиция «рождественского полена». Накануне рождества архангелогородец в обязательном порядке приносил к себе домой полено и поджигал его. Праздник продолжался двенадцать дней. Все эти дни полено должно было гореть. Потухнет – жди беды. Каждый вечер свежий пепел от полена разбрасывали по двору. По окончании же праздника полено, наконец, тушили, но не выбрасывали, Боже упаси. Его клали под кровать до следующего рождества. Весь год недогоревшее полено охраняло жилище от пожара и молнии, то есть, от гибели в огне. Когда же снова наступало Рождество, это полено дожигали вместе с новым.

Того самого города, про который еще один поморский сказочник, Борис Шергин говорил: «Резьба и расцветка... применялись очень скупо и редко. Здесь поражала красо-

та архитектурных пропорций, богатырские косяки дверей и окон, пороги, лавки, пропорции углов, розоватость листовенных стен». «При закладке дома сначала утверждали окладное бревно. В этот день пиво варили и пироги пекли, пировали вместе с плотниками. Этот обычай называли „окладно“. Когда стены срубят до крыши и проложат потолочные балки, „матицы“, опять плотникам угощение: „матешно“. И третье празднуют – „мурлаты“, когда стропила под крышу подводят. А крышу тесом закроют, да сверху князево бревно утверждают, опять пирогами с домашним пивом плотников чествуют, то есть „князево“ празднуют».

Города, в котором из дерева делали не только жилые дома и православные храмы, но даже мечети, англиканские церкви, театры и административные здания.

А безвестный куплетист из местных сложил стишок:

Как в Архангельске дороги —
Поломаешь руки-ноги.
Метр идешь, а десять скачешь,
А потом неделю плачешь.

Но качество дорог не умаляет очарования Архангельска.

Набережная Северной Двины

Еще сравнительно недавно эта набережная имела имя. Она звалась Набережной имени Владимира Ильича Ленина. Теперь ее переименовали. Просто в набережную Северной Двины.

Эта набережная – пожалуй, главная архангельская улица. Не удивительно, ведь Двина – главная достопримечательность и главное достояние города. Один из основных в судьбе Архангельска указов так и назывался «Указ на Двину». А направлен он был Двинскому воеводе князю А. П. Прозоровскому. Написан он был в 1700 году. Автор же, как не трудно догадаться – Петр Первый: «В будущем у Архангельского города и на Холмогорах иметь во всем великое бережение и осторожность. По городам велеть днем и ночью быть стрельцам с ружьем на караулах непрестанно. Про всякие немецкие вести провеживать всевозможными средствами накрепко. А что каких вестей проведают, о том писать в Новгородский приказ к великому государю с нарочным гонцом, смотря на важности вестей.

По крепостям, по воротам и по башням наряды выстав-лять, пушкарей, затинщиков и стрельцов расписать и место им указать. Города привести в порядок, а которые места у го-рода ветхи и без починки им пребыть никак нельзя, те худые места осмотреть и сметить, во что починка тех худых мест

станет, и о том к великому государю писать и сметную роспись прислать в Новгородский приказ.

На крепостях катки и каменьё, и колье дубовое, заостря, велеть изготовить и всякие ратные припасы для осадного времени чтоб всегда были готовы».

И так далее, так далее, так далее.

Борис же Шергин так описывал особенности архангельской географии: «Родную мою страну обходит с полуночи великое Студеное море. В море долги и широки пути, и высоко под звездами ходит и не может стоять. Упадут на него ветры, как руки на струны, убелится море волнами, что снег... Глубина океана – страшна, немерна, и будет столь светла, ажно и рыбы ходящие видно.

Полуночная наша страна широка и дивна. С востока привержена морю Печора, с запада земли Кемь и Лопь, там реки рождают золотой жемчуг.

Ветер стонет, а вам – не печаль.

Вихри ревут, а вам – не забота. И не страх вам туманов белые саваны... Спокойно вам, дети постановных матерых берегов; беспечально вы ходите плотными дорогами».

Писал об этом и Илья Бражнин: «Полуторакилометровый в ширину у Архангельска и безмерный в длину перевозанный пласт ее может быть то хмуро-свинцовым, то улыбчиво-серебряным, то угрюмо-черным, то розово-солнечным. Река, как она вспоминается мне, то бывала заставлена сплошь рыболовецкими шхунами то прикрыта тягуче

медлительными вереницами плотов, то просторно пустынна и ясно спокойна. Но, разъярясь, Северная Двина становилась страшна и беспощадна.

Я видел, как в осенний сентябрьский шторм она почти на-чисто уничтожила Архангельский яхтклуб, часть судов раз-метав, часть разбив в щепы.

Я помню, как однажды в шторм на Северной Двине во время неудачного маневра парусом меня метнуло вместе со шлюпкой под высокую свайную пристань и, сломав мачту, затопило мое суденышко.

Я сам был свидетелем, как в лодке, в которой мы про-шли на веслах двадцать с лишним километров, к концу пути, когда разразилась внезапная буря, товарищ мой, сидевший на руле, не мог удержать рвавшегося из рук румпеля, а один из пассажиров заболел морской болезнью... Большая вода Северной Двины опасна чертовски, но и чертовски хороша. Серьезная река – Северная Двина. Неповторимая река.

Вода здесь, в Архангельске гораздо больше, чем просто вода.

* * *

Первая достопримечательность находится еще до начала набережной Северной Двины. Это так называемая «Майская горка» – старое место народных гуляний архангелогородцев. В первую очередь – первомайских гуляний. От того и назва-ние.

В 1847 году историк М. Истомина сообщал: «Приближаясь к предместьям города, увидишь небольшой холм. Знай, что это любимое место загородного гулянья при встрече лета... Жители Архангельска любили повеселиться здесь 1 мая... С этого холма открывается привлекательный вид: с одной стороны раскинулась широкая равнина реки, на ней вдали мелькают белые паруса... С другой раскинулось бесконечное болото, поросшее мхом и опушенное мелким кустарником... По зеленому лугу, ровному и гладкому, ходили взад и вперед нарядные толпы гуляющих... А между ними группы людей беззаботно сидели на траве подле скатертей, уставленных всевозможными лакомствами. А в середине пыхтит и шипит самовар необходимая принадлежность всякого загородного гулянья. Смех, говор и веселые крики пирующих, сливаясь в один неясный гул, далеко разносятся по окрестностям».

Начать же прогулку по, собственно, набережной, лучше всего с памятника Михаилу Ломоносову. Это – старейший монумент Архангельска, он был открыт в 1832 году. Правда, первоначально статуя располагалась совсем в другом месте – на нынешней площади Ленина. Здесь же, перед зданием Технического университета, она появилась лишь в 1930-е.

Изваял ее знаменитый скульптор Мартос, автор московского памятника Минину и Пожарскому. Сам он писал: «Для составления моего монумента подала мысль, почитаемая лучшим творением Ломоносова ода одиннадцатая: «Вечер-

нее размышление о божием величестве, при случае великого северного сияния»... Положение фигуры выражает изумление, которым поражен он, взирая на великое северное сияние. В восторге духа своего поэт желает воспеть величие божие и принимает лиру, подносимую гением поэзии. Вот минута, изображенная для статуи Ломоносова, минута вдохновения, произведшая бессмертные стихи:

...Песчинка, как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом, как перо, огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мыслями утомлен».

Вдохновлялся той «минутой» и сам Мартос.

Открытие было торжественным, масштаба российского. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали: «Собравшись организованно прошествовали к памятнику от кафедрального собора. Там в присутствии большого числа горожан, представителей всех сословий, произносились речи, учащиеся читали свои стихи, играл оркестр Архангельского порта, были исполнены положенная на музыку ода М. В. Ломоносова „Хвала всевышнему владыке“ и специально сочиненный кант. Вечером пьедестал памятника и ступеньки под оным были иллюминированы».

Первоначально памятник поставили на Ломоносовском

лугу, (название, впрочем, возникло одновременно с открытием статуи). Но довольно быстро стало ясно: поставили не там, где следовало. «Архангельские губернские ведомости сообщали, что памятник «расположен весьма неудобно, на низкой, болотистой площади, в стороне от главной линии городского сообщения. Для проходящих и проезжающих по Троицкому проспекту памятник теряется вдали, и подойти к нему ближе нельзя ни зимою, ни в большую часть лета. Зимою площадь занесена снегом, в начале и конце короткого лета она непроходима, как болото».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.